

Мученики и мучители

Страдания православного духовенства во время польского восстания 1863–1864 годов

Гордей ШЧЕГЛОВ, иерей,
кандидат богословия,
доцент

150 лет минуло со времени польского восстания 1863–1864 годов. Однако и по сегодняшний день белорусскому обществу навязывается искаженный взгляд на события: история перетолковывается, а порою просто фальсифицируется. Письменные свидетельства того времени дают ясное понимание, что представляли собой повстанцы и какими методами они боролись за «вольнась».

Повстанческие идеи, пропагандируемые польскими патриотами в середине XIX века, остались чуждыми белорусскому народу и не нашли в его среде широкого отклика. Восстание поддержала лишь незначительная часть населения, чаще всего польского происхождения или считавшая себя поляками: шляхта, ксендзы, мелкие чиновники, гимназисты, помещицья челядь и т.п. Показательно, что подавляющая масса участников восстания принадлежала к римско-католическому исповеданию [1]. А ведь для самосознания того времени «католик» значило «поляк», а «православный» – «русский». Белорусы же, как известно, в основном были православными.

Белорусский народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днем все более проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими: сотни ни в чем не повин-

ных людей были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей оказались поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения.

Немало пострадало в те дни и православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от повстанцев – угрозы, издевательства, побои, грабежи. Совершались и убийства.

В Вильнюсе в Пречистенском соборе сохранились установленные еще в XIX веке памятные доски с 349 именами жертв восстания 1863–1864 годов, список которых возглавляют имена православных священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича.

Священник Даниил Конопасевич служил в местечке Богушевичи Игуменского уезда Минской губернии. 18 апреля 1863 года группа повстанцев во главе с местным помещиком поляком Болеславом Свенторжецким явилась в богушевичское волостное правление. Там в присутствии нескольких крестьян Свенторжецкий «прочитал польский манифест и объявил крестьянам, чтобы они не платили никаких податей, не давали рекрут, и что землю отдает им в дар», заверив при этом, что все книги и бумаги в богушевичской канцелярии уничтожены. В это же время повстанцы устроили обыск в доме отца Даниила, разыскивая его, но

ОБ АВТОРЕ

ШЧЕГЛОВ Гордей Эдуардович.

Родился в 1969 году в Минске. Окончил Белорусскую академию искусств (1994), Минскую духовную семинарию (2001), Минскую духовную академию (2004).

С 2004 года преподаватель Минской духовной семинарии, с 2005 года – и Минской духовной академии. В 2006–2008 годах читал лекции в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии (2012).

Кандидат богословия (2004), магистр церковной истории (2008), доцент (2010).

14 декабря 2012 года Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси посвящен в сан священника.

Автор многочисленных научных и научно-популярных работ по истории Русской Православной Церкви.

Сфера научных интересов: история Русской Православной Церкви.

не нашли, так как священник отсутствовал. В тот же день повстанцы уехали из Богушевичей.

Вернувшись домой и узнав о случившемся, отец Даниил немедленно отправился в волостное правление, где нашел на полу разорванный портрет императора Александра II, а на столе – пачку прокламаций, в которых объявлялось о восстановлении Польши и ее прав, объявлялись льготы крестьянам и звучало воззвание к русским «хлопам» вступить в число граждан будущего польского королевства. Недолго думая, отец Даниил собрал прокламации, порвал их и бросил в топившуюся печь, а разорванный портрет государя забрал домой.

9 мая под селом Юревичи, недалеко от Богушевичей, произошло сражение русских военных с повстанческим отрядом Лясковского. На другой день после сражения военные позвали отца Даниила исповедать и причастить раненых и отпеть павших воинов.

В это время повстанцы, посылаемые за припасами, доложили Лясковскому, что «священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать мятежников». Тогда Ляковский созвал штаб, на совете которого отца Даниила приговорили к смертной казни.

Прослышав, что повстанцы хотят расправиться с отцом Даниилом, управляющий

имением Малиновский стал настоятельно советовать ему уехать из Богушевичей в Бобруйскую крепость, но отец Даниил решил не оставлять паству в смутное время. По свидетельству родных, страха смерти у него не было. Происходившие тогда события, видимо, подготавливали его к принятию любой ситуации. Незадолго до смерти отец Даниил отправился к соседнему священнику и, исповедавшись у него и причастившись, радостный вернулся домой со словами: «Вот я уже теперь совсем готов – причастился» [2, с. 18].

Для расправы над богушевичским священником Лясковский отправил отряд из 40 человек во главе со шляхтичем Альбином Тельшевским.

23 мая 1863 года около шести часов вечера повстанцы окружили дом Конопасевичей с требованием, чтобы кто-нибудь вышел. Отец Даниил вышел с супругой на черное крыльцо, но повстанцы не сразу поняли, что перед ними священнослужитель, и спросили, где «ксендз», разумея под этим – «священник». Дело в том, что отец Даниил хотя и носил, как священник, длинные волосы, был одет не в подрясник или рясу, а так, как обычно ходил дома – в старое семинарское пальто. На вопрос повстанцев он ответил: «Я и есть священник. Что вам нужно от меня?» Тогда к отцу Даниилу подступил Тельшевский и направил в грудь револьвер, но

▲ Памятные гранитные доски с именами жертв польского восстания 1863–1864 годов в Пречистенском соборе города Вильнюса

супруга оттолкнула оружие. Повстанцы тут же втолкнули ее и выбежавшего на шум ребенка в кухню и подперли дверь. Несчастливая женщина в истерике металась по дому, пока не упала в обморок. Она впоследствии рассказывала, что когда отца Даниила схватили, он не издал ни звука. Еще она слышала, как кто-то крикнул: «Веревоч!», а что было после, не помнила.

Схватив священника, повстанцы вывели его на середину двора: Тельшевский зачитал постановление штаба и приказал повесить. Отец Даниил что-то возразил, его с бранными словами схватили за волосы, накинули на шею веревку и повесили тут же на воротах.

Когда супруга священника пришла в себя и вышла на улицу (двери дома уже были отперты), то увидела повешенного мужа. Рядом с ним, обняв ноги, сидел плачущий старик – «дед Иван», работавший в доме паробком. Он ничего не знал о расправе, пока не привел с выгона скотину, и, потрясенный увиденным, горько оплакивал любимого батюшку. Из людей вокруг никого больше не было. Жители Богушевичей, узнав, что в местечко вошли повстанцы, попрятались и боялись даже показаться на улице. Дед Иван стал снимать отца Даниила, но тотчас прибежали повстанцы, бражничавшие не-

подалеку в корчме, и с угрозами запретили снимать повешенного, чтобы тело его висело подольше на устрашение всем русским, противящимся «польскому делу». И только после отъезда их из Богушевичей тело отца Даниила сняли, омыли и положили в доме как подобало умершему.

Для погребения мученика в Богушевичи к вечеру 25 мая прибыли священники Роман Пастернацкий, Иоанн Шафалович и Порфирий Ральцевич с псаломщиком. Из опасения попасть в руки к повстанцам им пришлось переодеться в крестьянскую одежду и даже обрезать волосы. В тот же вечер в Богушевичи пришли русские пехотинцы и казаки. Благодаря военным, священники смогли безопасно совершить погребение. Из дома на церковный погост гроб мученика несли русские солдаты. Похоронили отца Даниила при фундаменте местной приходской церкви, сгоревшей при невыясненных обстоятельствах в 1862 году [3, с. 40–51].

Константин Прокопович, другой священник, убитый повстанцами, служил настоятелем церкви заштатного города Суража Белостокского уезда Гродненской губернии. В дни восстания священника предупреждали, что повстанцы хотят убить его. Причиной было, по свидетельству его

► Памятник на могиле священника Даниила Конопасевича (фото начала XX века)

►► Вид восстановленного памятника на могиле священника Даниила Конопасевича (фото 2005 года)

сына Льва, то, что отец Константин «принимал к себе войска, проходившие для стычек с мятежниками» [4, № 11, с. 379]. За неделю до праздника Троицы действовавший близ Суража повстанческий отряд разбила рота русских солдат, и после боя офицеры были радушно приняты и угощены в доме Прокоповича. После этого повстанцы, подстрекаемые ксендзами Крынским и Моравским, с ненавистью стали смотреть на священника Константина, посмеявшегося «принимать и угощать «пшеклентых москалей» [5, с. 277].

Ночью с 22 на 23 мая 1863 года повстанцы через окно ворвались в дом Прокоповича и стали искать его, однако священник успел укрыться на конюшне. Бандиты «дубинами и прикладами» избили жену, 17-летнюю дочь и 16-летнего сына Льва – ученика Литовской духовной семинарии, угрожая повесить. Перепуганный юноша с веревкой на шее причитал: «Боже мой! Боже мой!» Но повстанцы с насмешками и ругательствами издевались: «Какой твой Бог? Какая твоя вера? Твоя вера – собачья, схизматическая... Подлец, собачья твоя кровь...» [4, № 11, с. 379].

Найдя отца Константина, повстанцы бросились к нему, вытащили на двор, «рвали волосы на голове и из бороды, нанесли более 100 ударов ружьями и кольями, толкали во все стороны, бросали на землю и топтали его ногами; потом один изверг выстрелом еще и ранил его в бок». Наконец еле живого, окровавленного, истерзанного священника «повесили на тополе в пяти шагах от дома» [5, с. 277].

Когда перед смертью отец Константин просил дать ему помолиться, повстанцы с издевкой говорили: «Какой твой Бог? Вы не что иное, как собаки, ваша вера тоже собачья, русская; ваш Бог – русский». При этом его не переставали бить, не давая выговорить и слова, и все время кричали: «Молчи!» Уже с веревкой на шее страдалец успел лишь сказать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» [4, № 11, с. 380]. Палачи издевались над священником и после его смерти. Приведя сына к трупку отца, говорили: «Видишь, отец твой висит, как собака; то же и с тобой будет». Повстанцы избили юношу, затем ограбили дом и, уходя, стали выкрикивать: «Теперь у нас не будет схизматиков; теперь у нас настоящая Польша» [5, с. 278].

◀ Подобные листовки повстанцы распространяли накануне восстания 1863–1864 годов

По свидетельству сына, главным вдохновителем убийства отца Константина был ксендз Моравский. А вообще в расправе участвовало около 100 человек, среди которых находились и жители Суража – католики [4, № 12, с. 444].

Спустя пять лет после мученической кончины священника Константина, при устройстве на его могиле памятника, был вскрыт гроб. Вот как описывал виденное священник Иоанн Котович: «Гроб сосновый, покрашенный голубой краской. Краска на гробе клеевая, несмотря на низменное место и сырость, постоянно поддерживаемую льющей с церковной крыши водой, сохранилась в целости, не полинявшей. <...> Руки, крест, ризы и все в гробе покрыто нежной синевою, какая бывает на сливах (плодах); тело нетленное, желтоватое; на голове плешь от вырванных волос, сделанная мучителями-мятежниками» [5, с. 280].

Еще один священник-мученик – иерей Роман Рапацкий – служил настоятелем в селе Котры Пружанского уезда Гродненской губернии. В начале 1863 года его предупреждали об опасности и советовали куда-нибудь уехать с семейством, но отец Роман не пожелал оставлять прихожан. Он, кажется, предчувствовал кончину – 3 июля, уходя на сенокос, много молился и взял с собой молитвослов. А вечером его схватили повстанцы и подвергли издевательствам:

предлагали водку и папиросу перед смертью. Когда отец Роман стал просить о позволении проститься с женой и детьми, ему отказали. Повесили священника на груше, затем один из повстанцев выстрелил ему в грудь [6, с. 6]. Вместе с отцом Романом на груше повесили и местного крестьянина Константина Шведа за то, что он открыто осуждал восстание и сообщал властям о местонахождении отрядов [5, с. 282]. Тело отца Романа висело на дереве три дня, так как испуганные крестьяне боялись запрета повстанцев снимать его. И только прибывшие священники сняли тело страдальца и погребли. Жил отец Роман в такой бедности, что в доме не нашлось даже средств на похороны. Доски на гроб привез священник соседней церкви, а собравшиеся на погребение люди вскладчину покрыли остальные расходы. «Никогда в жизни не забудем часов погребения страдальца, – вспоминал очевидец. – Каждая минута была горестна, но душа наша была преисполнена чего-то неземного. Не страх и трепет волновал душу нашу, но веял какой-то дух жизни, проявлявшийся в слезах и неземных размышлениях...» [7, с. 33–34].

От рук повстанцев погиб также псаломщик Крестовоздвиженской церкви села Святая Воля Пинского уезда Минской губернии Федор Яковлевич Юзефович. Хорошо зная

местность, он сообщал представителям власти, где скрываются повстанческие отряды. А однажды сам догнал и отнял у некоего пана Кобылинского порох и провизию, предназначавшуюся для повстанцев. Узнав о таких действиях Юзефовича, те решили расправиться с ним.

Все произошло в деревне Гать, где находилась усадьба священника и дом псаломщика. Утром 1 июня 1863 года в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись путниками, попросили поесть. Сам Федор Яковлевич в это время находился где-то на огородах. Жена его приняла незнакомцев и приготовила угощение. За едой «странники» завели разговор с отцом Федора, заштатным священником Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме сына. Во время беседы хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны» и, заподозрив в них повстанцев, послала за мужем.

Узнав о подозрениях супруги и, видимо, почувствовав недоброе, Федор Яковлевич, прежде чем идти домой, зашел к соседу-крестьянину, чтобы с его помощью при необходимости задержать подозрительных людей. Придя в дом, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Во время беседы в комнату вбежал испуганный сын Федора и сказал, что «в село идут поляки». Все выбежали из дома, чтобы разузнать, кто приближается к деревне. Меж тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали убеждать, что это русские казаки и, сделав испуганный вид, просили спрятать их. Этой притворной игрой, видимо, хотели спровоцировать или сбить с толку Федора Юзефовича и задержать его в доме. Однако когда все убедились, что в деревню вошли повстанцы, Федор Яковлевич, понимая, что ничего хорошего от встречи с ними не будет, хотел скрыться. В этот момент один из незнакомцев приставил к его груди револьвер и закричал: «Стоять! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени отряд повстанцев численностью около 400 человек уже вошел в село.

В корчме над псаломщиком стали издеваться и объявили, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти». Командир отряда велел отправить пленника к местному священнику Николаю Стояновичу для исповеди. Между тем жена и пятеро детей Федора Яковлевича со слезами умо-

▼ Прокламация, найденная в обозе повстанческого отряда Нарбута, разогнанного 15 июля 1863 года русскими военными в Пинском уезде Минской губернии. Надписи на прокламации: «Этот ты, поп, будешь так висеть, если не справишься!!! Если у тебя еще чешется язык брехать в церкви хлопам бредни, то лучше накопи его шпилькой!! А вороны будут насыщаться твоим телом!!! Ах, какая же это будет позорная смерть???»

ляли повстанцев помиловать его. Отец – священник-старик – ползал у них в ногах, прося пощадить сына. Но никакие уговоры не помогли.

Исповедь Федора происходила в гостинице священнического дома, в присутствии нескольких вооруженных согладатаев. После исповеди повстанцы издевательски предложили отцу Николаю деньги «за труд», но тот, естественно, отверг постыдную мзду и именем Христа стал упрашивать пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же умоляла и жена отца Николая, стоя на коленях. Но как бы назло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича у ворот священнического дома и уже стали делать к тому приготовления. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы согласились повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его дома, находившегося через улицу. Вместе с тем они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что его оставили в покое.

Повесили Федора Юзефовича на вербе возле его дома на глазах у всей семьи. По воспоминаниям сына, веревка, видимо, неплотно охватила шею, так как его отец ухватился за дерево и несколько ослабил петлю. Заметив это, повстанцы потянули страдальца за ноги и умертвили его [8, с. 274]. Было Федору в то время чуть более тридцати лет.

К повешенному приставили стражу, чтобы тело оставалось так до третьего дня и чтобы «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом, воображая себя «рыцарями-благодетелями», повстанцы оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей».

После убийства Федора Юзефовича весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» стали хозяйничать в доме, амбарах, конюшне и забрали съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и т.п. Затем частью там же на дворе, частью на кладбище, расположенном при усадьбе – за сараями, разложили костры и почти до вечера харчевались. После этого они взяли отца Николая и повезли в лес, в урочище под названием «Млынок», где была мель-

ница, и там хотели повесить, для чего на одной из сосен уже приготовили веревку. Но неожиданно появившийся какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упрямил их не вешать священника. Тогда повстанцы «на память» остригли отцу Николаю голову и бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина [9, с. 59–63].

Бывали случаи, что священникам удавалось избежать неминуемой расправы благодаря героизму своей паствы, как это случилось в селе Новоселки Игуменского уезда Минской губернии. Когда 21 апреля туда пришел отряд повстанцев, местные жители решили не впускать его, а в соседние селения послали верховых с известием об опасности. В 11 часов вооруженные двустволками, пистолетами и саблями повстанцы вошли в село и направились прямо в усадьбу местного помещика Крупского, который, правда, отсутствовал. Крестьяне потребовали у пришедших объяснения: кто они и чего хотят. Те назвали себя «воинами царства польского и сказали, что хотят рассчитаться только с попом, а им, крестьянам, ничего худого не сделают».

Священником в Новоселках в это время служил отец Фома Русецкий. Еще до восстания он препятствовал распространению в местной приходской школе польских идей. В 1861 году помещик Крупский неожиданно начал оказывать материальную помощь школе, и вскоре там появился учитель, студент Киевского университета, некто Легенза – протеже помещика. Както раз, во время отсутствия в школе отца Фомы, Легенза принес в класс картины из Священной истории и при объяснении одной из них – «Распятия Спасителя», указывая на римских воинов, сказал: «То są moskale» (это москаль). Случай этот стал известен и вызвал возмущение священника, запретившего Легензе преподавать все, кроме русской грамоты. В 1862 году помещик Крупский открыл школу в своем доме, в которой Легенза начал учить детей на польском языке и в польском духе. Однако эта школа по ходатайству Минского архиепископа Михаила (Голубовича) в том же году была закрыта, а Крупский попал на несколько месяцев под арест. И вот, видимо, по наущению Крупского отряд повстанцев пришел расправиться со священником.

Между тем отец Фома уже подвергался нападению еще в самом начале восстания. Вечером 2 февраля 1863 года, когда он по делам проезжал мимо местечка Дукора, на него напали несколько повстанцев. Спасаю он тогда благодаря лишь тому, что испуганные лошади помчали повозку, подмяв при этом под себя одного из нападавших. И вот новая угроза нависла над священником.

Узнав о намерениях повстанцев, крестьяне закричали «Не пустим!» и дружно бросились на непрошенных гостей. К сожалению, эта храбрость дорого обошлась безоружным селянам. В их сторону сначала раздался ружейный залп, а затем в дело пошла сабля. В результате столкновения четверо крестьян были убиты и десять ранены, однако их мужество заставило повстанцев уйти в лес. Среди убитых жителей Новоселок были Петр Казак, Антон Варивончик, Дорофей Горбачик и Герасим Андросик. Всех их похоронили в одной мо-

гиле на кладбище при Мариино-Горской Успенской церкви.

После второго покушения на жизнь священника власти распорядились приставить к нему охрану из 15 солдат и 20 вооруженных крестьян [10].

Охрана военных спасла и настоятеля Скрыгаловского прихода Мозырского уезда – священника Василия Завитневича, также приговоренного повстанцами к смерти [11].

Священник Березинской Преображенской церкви Роман Пастернацкий, получив 3 мая 1863 года от повстанцев письмо с угрозой лишить его жизни через повешение, вынужден был скрываться [9, с. 68].

Священник Ансельм Пигулевский, настоятель Браславского прихода, узнав, что ему грозит смерть, оставил по просьбе прихожан свой дом и являлся в приход только для совершения треб и богослужения [7, с. 22–23].

Помимо угроз смерти, многие православные священники претерпели от повстанцев побои, оскорбления, издевательства, разорение имущества и другие насилия. Среди таковых были священник Житлинской церкви Слонимского уезда Николай Ступницкий, священник Споровского прихода Адам Рожковский [9, с. 64], священник Брашевичской церкви Кобринского уезда Алексей Огиевич [4, № 10, с. 327–328], священник села Деревна Кобринского уезда Федор Страшкевич [4, № 10, с. 331–332], священник села Добромысль Слонимского уезда Михаил Гриневич [4, № 10, с. 328–329], священник Миловидского прихода Жебровский [4, № 13, с. 461–463], священник местечка Свислочь Волковысского уезда Александр Гомолицкий [9, с. 66], великоритский священник Куханович [4, № 13, с. 413], дрогичинский священник Гинтовт [4, № 13, с. 416–417], домашевский священник Александр Дружиловский [4, № 17, с. 655–657], священник Подубисской церкви Григорий Пигулевский [7, с. 24], станьковский священник Петр Трусовский [9, с. 68–69] и многие другие.

«Редкий из духовенства, – писал в те дни Литовский митрополит Иосиф (Семашко), – не потерял от стеснительных обстоятельств времени весьма многое, не понес важных убытков и разорения от насильственных поборов и грабежей, многие также пострадали от побоев и истязаний» [12, с. 452]. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1418. – Оп. 3. – Д. 1.
2. Конопасевич, А. Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидцы его смерти, жены его, Елены Ивановны / А. Конопасевич // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 1. – С. 7–26.
3. Утрата, Сергей, диакон. Восстание 1863–1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии: дисс. ... канд. богословия / Сергей Утрата. – Жировичи, 2000.
4. Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. – 1863–1864. – № 10. – С. 325–335. – № 11. – С. 372–384. – № 12. – С. 410–443. – № 13. – С. 457–463. – № 17. – С. 655–659.
5. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности, в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 27; 29.
6. События 1863 года. Далекое и близкое... // Гродненские епархиальные ведомости. – 1993. – № 5.
7. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева, усмирителя Польского мятежа в 1863 году и восстановителя русской народности и православной церкви в Северо-Западном крае России: ко дню открытия в г. Вильне памятника М.Н. Муравьеву. – Вильно: издание Виленского Св.-Духовского братства, 1898. – 76 с.
8. Скрынченко, Д. Ф.Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) / Д. Скрынченко // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 273–274.
9. Щеглов, Г.Э. Год 1863. Забытые страницы / Г.Э. Щеглов. – 2-е изд., доп. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – 98 с.
10. Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда // Минские епархиальные ведомости. – 1877. – № 20. – С. 411–414.
11. Иоанн Пашин, священник. Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) / Иоанн Пашин, священник // Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 19–20.
12. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – 2-е изд., испр. и доп. – Вильна: тип. И. Блюмовича, 1897. – 613 с.